

26. Селивановский И. П. Как живут и работают китайцы. М., 1904.
27. Скачков К. А. Пекин в дни тайпинского восстания: Из записок очевидца. М., 1958.
28. Слонимский Л. «Желтая опасность» // Вестн. Европы. 1904. № 5. С. 305–321.
29. Соловьев С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Там же. 1868. № 12. С. 676–707.
30. Столбовская А. Выдающиеся стороны национальной жизни и национального характера китайцев. М., 1903.
31. Т. Новое образование в Китае // Вестн. Европы. 1910. № 4. С. 312–328.

Статья поступила в редакцию 23.05.2012 г.

УДК 7.044 + 7.048 + 7.071.5 + 244.82

**Н. А. Субангулова
Н. П. Коновалова**

САКРАЛЬНОЕ В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ДЗЕН*

Статья посвящена уяснению специфики иерофании (проявления сакрального) в эстетических практиках дзен. Дается анализ особенностей формирования сакрального пространства и сакральной среды в ходе практик создания живописного свитка и чайного действия. Обращается внимание на условия, влияющие на трансформацию глубины переживания сакрального.

Ключевые слова: сакральное, профанное, иерофания, сакральное пространство, сакральная среда, эстетические практики, дзен-буддизм.

Дзенские практики лежат в основе многих восточных искусств, а принципы учения пронизывают как традиционную, так и современную культуру. Прояснение специфики сакрального и опыта его переживания в эстетических буддийских практиках — теоретически значимый момент, позволяющий заострить внимание на средствах достижения просветления, на том инструментарии, который в принципе доступен обычному человеку. Современное увлечение японской культурой и специфическими японскими, в основе своей буддийскими, искусствами свидетельствует о значимости эстетического опыта, обретаемого в ходе дзенских практик, позволяет расширить наши представления об особенностях и потенциале буддийской культуры в целом и японской в частности.

Эстетический опыт — важнейшая составляющая бытия человека, характеризующая его как творящую и созерцающую личность. Главное содержание

* Исследование выполнено в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., госконтракт № 14.740.11.0224.

СУБАНГУЛОВА Наталья Ахуновна — ассистент кафедры философии Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: polzetulitka@mail.ru).

КОНОВАЛОВА Надежда Петровна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: n.p.konvalova@ustu.ru).

© Субангулова Н. А., Коновалова Н. П., 2012

эстетического опыта, обретаемого в буддийских практиках, состоит в гармонизации человека с самим собой, с окружающей природой, другими людьми, с универсумом [2, 8]. Тот, кто практикует дзен, живет им, воспринимает мир через призму сакрального. Сакральное — своеобразный мост между предметным, материальным миром и миром духовным. Дзен предлагает ряд эстетических практик, способствующих иерофании, т. е. проявлению сакрального в человеческом бытии. Среди них — искусство японской чайной церемонии, искусство создания живописного свитка, искусство стрельбы из лука, искусство владения мечом и др.

Практики школы дзен можно условно разделить на два вида: «внутренние», когда работа с сознанием ведется за счет концентрации и самоконтроля, основные средства здесь — возможности самого адепта; «внешние», когда адепт достигает необходимого внутреннего состояния за счет взаимодействия с окружающими его объектами и предметами. Японское чайное действо и акт создания живописного свитка — специфические «внешние» практики. Обе практики представляют собой довольно сложные системы, которые включают в себя: 1) внешние, видимые действия (ритуализированные манипуляции с предметами); 2) внутреннюю работу (созерцание, переживание сакрального). Внешние действия создают базу для внутренней работы, а также дают представление о внутреннем состоянии участника практики, поскольку каждый этап внешнего действия соответствует определенному этапу внутренней работы. Когда нужное состояние достигнуто, наступает кульминация, мгновенное озарение.

Сакральное в дзенских практиках не очевидно, поскольку оно изначально используется не как цель, а как вспомогательное средство. Описывая опыт переживания сакрального в эстетических дзенских практиках, следует подчеркнуть, что этот опыт является средством обретения просветления, а не целью практики или ее побочным эффектом, как может показаться на первый взгляд. Дзенская практика здесь — система воссоздания сакральной среды, в которой ключевые этапы и уровни опыта переживания сакрального соотношены с этапами изменения сознания практикующего. Задача практик — подготовить и очистить сознание человека, создать условия для обретения просветления.

Свойства сакрального отвечают базовым идеям учения дзен. Во-первых, сакральное позволяет прикоснуться к истине, к основам основ, к первопричине всего сущего. Погружение в него дает возможность взглянуть поверх границ искусственных уз, созданных человеком в профанном мире, преодолеть привязанности, в том числе и к собственной жизни, и «вернуться к предельному состоянию бытия», «изначальной обители» [8, 305–306]. Во-вторых, вся полнота сакрального, так же как и суть дзен, не может быть постигнута рационально. Дзен «борется с интеллектом, поскольку тот, несмотря на всю свою практическую пользу, препятствует нашим усилиям погрузиться в глубины бытия» [Там же, 305]. Просветления невозможно достичь только с помощью понимания, усвоения полученной от наставника вербальной информации. В-третьих, сакральное переживается индивидуально, внутренне, сокровенно. Дзен также «очень личностен, очень субъективен в том смысле, что он имеет внутренний, творческий характер» [9, 291]. Согласно дзен, сатори достигается исключи-

тельно собственными усилиями, оно неповторимо и индивидуально. И именно индивидуальная духовная подготовленность открывает путь для сакрального; сила, с которой происходит переживание сакрального, обуславливает необходимый результат — очищение сознания, а затем и обретение просветления. Сакральное принадлежит высшему уровню реальности, но способно являть себя через объекты профанного мира. Мирча Элиаде назвал это явление «иерофанией» — священным, предстающим перед нами [11, 17].

Манифестируя себя, сакральное наделяет предмет или действие особой силой, исключительной значимостью. Именно иерофания отличает сакральное действие от профанного, сакральную живопись от светской живописи на религиозный сюжет. Если иерофания оказывается сокрытой от человека, объект остается для него обычным объектом профанного мира. Иначе говоря, что сакрально для одних, посвященных, может не иметь никакого значения для других, непосвященных. К примеру, акт создания сакральной живописи — это, с одной стороны, особое действие, способствующее иерофании, с другой — совокупность манипуляций, цель которых создание живописного изображения.

Особо стоит выделить этап практики, когда через действие или предмет формируется сакральная среда — условия для возникновения иерофании. «Само по себе божественное откровение находится вне сферы человеческого творчества» [6, 12], но, желая прикоснуться к силе сакрального, человек может создавать условия для проявления сакрального. Сакральная среда может быть воссоздана с помощью ритуала — священнодействия, которое основано на наделении вещей особыми (символическими) свойствами. Ритуал предполагает строгую последовательность, определенность манипуляций, все ритуальные движения одинаково важны и обязательны, поскольку точное воспроизведение «образца» гарантирует ожидаемый результат. М. Элиаде пишет, что «за счет повторения ритуал совпадает со своим “архетипом”, и профанное время упраздняется» [10, 45].

Ритуальные движения отличаются от профанных, заключают в себе особый смысл, известный только посвященным, что способствует созданию атмосферы торжественности и особой значимости. Освоивший все элементы ритуала человек воспроизводит ритмически выверенные движения, не задумываясь, полагаясь на память тела. Ритм «освобождает сознание от логики, т. е. феноменологически приводит его к медитативному состоянию» [1, 189]. Действие словно происходит само собой, личное отступает, на первый план выходит ощущение причастности к вечному, неизменному — сакральное являет себя.

В практиках дзен сакральное пространство и сакральная среда, как правило, формируются одновременно и предметами, наделенными сакральными свойствами, и ритуальными действиями. Сакральные практики совершаются по единому алгоритму, но обретают свою специфику в зависимости от того, какое действие лежит в их основе. Проследим это на примере эстетических практик создания живописного свитка и чайного действа.

Чайное действо предполагает наличие хозяина — чайного мастера, одного или более гостей и пространство, оформленное особым образом. В чайной комнате нет ничего лишнего: низкий вход, напротив него — токонома, пол

выстлан татами, небольшое окно, пропускающее тусклый свет, очаг. До прихода гостей чайный мастер формирует сакральное пространство с помощью сакральных предметов, благовоний, цветов. Все это размещается в комнате только на время чайного действия, затем убирается. Каждое действие неповторимо, уникально за счет комбинации движений, предметов, запахов. Заметим, что формируемая в ходе практики сакральная среда — это всегда определенная атмосфера, хотя интенсивность ее может быть различной. Каждый элемент чайного действия способствует очищению сознания. «При виде свитка в токонома и цветка в вазе очищается чувство обоняния; когда слушаешь, как вода закипает в железном чайнике и стекает с бамбуковой трубы, очищается слух; когда касаются чайной утвари, очищается чувство осязания; когда очищены все органы чувств, очищается от омрачений и сам разум» [8, 317].

Оказавшись в чайной комнате до начала церемонии, гость попадает в пространство, которое уже настраивает, подготавливает его к предстоящему действию. Первое, что видит гость в комнате — токонома (специальная ниша) и размещенные там свиток или цветы в вазе. В токонома размещаются предметы, созданные в результате сакральных дзенских практик. Посвященный гость может «прочитать» в них основные идеи учения и духовный опыт автора, актуализировать в себе переживание сакрального.

Когда гости занимают свои места на татами, в чайной комнате появляется хозяин. Перед каждым участником действия лежит сложенный веер, который символизирует личное, индивидуальное. После приветствия веер обязательно убирается, а вместе с ним на дальний план отодвигается все мирское, суетное. Этот момент символизирует окончательное отделение от всего профанного и готовность к приобщению к сакральному. Следующий шаг — ритуализированная подготовка необходимой утвари. Чайный мастер в строгой последовательности сначала выносит, затем определенным образом очищает каждый предмет. Цель этих манипуляций — не буквальное, но символическое очищение: в соответствии с ритмом движений устанавливается определенный ритм дыхания, точность ритуальных, доведенных до автоматизма движений позволяет не отвлекаться на порядок действий, сосредоточиться.

Превращенная в ритуал подготовка чайной утвари дает возможность создать ситуацию, в которой мастер противопоставляет себя профанному, намеренно моделирует атмосферу для проявления сакрального. Становясь центром сакрализации, он не только изменяет свое внутреннее состояние, но формирует вокруг себя сакральную среду. Другими словами, сакральное пространство, подготовленное до начала действия, начинает постепенно становиться сакральной средой в ходе самого действия. Интенсивность сакральной среды постепенно нарастает. Моменту наивысшего вдохновения соответствует приготовление чая, а именно взбивание тсяэном (бамбуковым венчиком) чайного порошка с небольшим количеством воды (на три глотка). На этом этапе практики тело мастера управляется не разумом, а интуицией и опытом, поэтому по пропорции чайного порошка и воды, скорости взбивания и, соответственно, вкусу чая можно судить о состоянии человека, готовившего его, о его способности выступать «проводником» сакрального.

Практика, основанная на создании живописного свитка, не требует особого помещения, тем не менее может проводиться в комнате, где есть токонома с дзенскими сакральными предметами, способными служить источником вдохновения и переживания сакрального. Создание свитка, как и чайное действие, начинается с ритуализированного приготовления материалов: выносятся и раскладываются в особом порядке все необходимые предметы, тщательно выбирается кисть, лист бумаги или отрез шелка. Мастер располагает перед собой бумагу, фиксирует ее специальным прессом, растирает в каменной тушечнице с небольшим количеством воды брусок сухой туши и т. д.

В данной практике возможны два варианта: с присутствием гостя-зрителя и без него. В обоих случаях художник действует одинаково: подготавливает материалы для живописного процесса и собственное сознание для переживания сакрального. В процессе подготовки материалов для живописи, он входит в медитативное состояние, переключается на пространственно-образное мышление. Созерцая чистый лист, переживает творческое вдохновение, близкое состоянию озарения. Возникший в сознании спонтанный медитативный образ фиксируется быстрыми и точными движениями кисти. Сакральное являет себя, обретает зримую плоть и форму. Полученное в результате изображение — это своеобразная запись состояния мастера в момент вдохновения-просветления, поэтому художнику не нужно сопоставлять изображение с моделью и затем вносить многочисленные правки. К тому же и шелк, и рисовая бумага требуют от художника высокой скорости письма и не дают возможности внести исправления, стереть или перекрыть рисунок.

Гость в чайном действе и созерцающий создание живописного свитка одинаково наблюдают за действием, но они — не пассивные наблюдатели, а участники действия. Совершая положенные ритуальные действия, гости, как и мастер, ведут активную внутреннюю работу, переживая сакральное. За счет сосредоточенного созерцания и сопереживания мастер сначала вовлекает, а затем и ведет за собой созерцающего. Осуществляя практику сам, делится опытом, подает пример. Наблюдающий перенимает духовный опыт, реализуя постулат дзен о передаче Истины «от сердца к сердцу», от учителя к ученику непосредственно, без использования вербальных средств, концептуальных построений, проявляя «искренность сердца» [8, 315].

Погружение в сакральную среду помогает ощутить единство с другими участниками ритуала, настраивает на необходимый лад для вхождения в медитативное состояние, когда «забыв себя, становишься собой, становишься един с другими. Чем меньше думаешь о себе, тем более сближаешься с остальными. В едином ритме равномерно бьется «единое сердце». Это Встреча всего со всем, абсолютная Встреча сердец. Нет ни пространства, ни времени, ни социальных, ни национальных различий, ни своего, ни чужого, обителью всему становится Вселенная» [3, 329].

Характер действия, атмосфера, в которой оно совершается, и степень сакральности происходящего зависят поэтому не только от хозяина, но и от всех участников действия. Гость в чайном пространстве должен владеть элементами ритуала, чтобы осуществлять свою деятельность, не разрушая единства и

целостности действия. Внутреннее состояние, которое отражается в позе сидящего, ритм дыхания и, соответственно, движений способны поддерживать и даже усиливать степень проявления сакрального. Присутствие же просветленного мастера в качестве гостя может уже на начальном этапе действия способствовать сакрализации, поскольку он имеет опыт, «навык» вызывать иерофанию без специальных усилий: его тело произвольно принимает нужную позу, дыхание обретает определенный ритм, а сознание опустошается. Если же гость суетлив, скован незнанием ритуала, сакральное будет ускользать от него, а действие утратит свойство духовной силы.

Чайное действие, в отличие от процесса создания свитка, изначально ориентировано на гостя, без которого действие невозможно. Гость включен в происходящее не только как созерцающий, ему отведена определенная роль в ритуале, он должен производить манипуляции с утварью, поддерживать сакральную среду. И утварь здесь — такой же полноправный участник. Участники действия общаются: гость приветствует утварь поклоном, обязательно повернув к себе «лицом», той стороной, которая выделена рисунком или фактурой. Каждый предмет играет свою, строго отведенную ему роль и требует особого почтительного обращения, поклонения, поскольку наделен сакральными свойствами. Однако суть церемонии не сводится к культу предметов или самого чая. Все действия направлены на создание и поддержание атмосферы, благоприятной для проявления сакрального: «...гости, хозяин, чайная утварь — единый организм, подчиненный единому ритму» [3, 358].

Особо стоит выделить процесс ритуального созерцания. После того как чай выпит, а утварь вновь очищена, наступает момент, когда гость может попросить у хозяина о «хайкэн», т. е. о ритуале любования утварью. Этот этап практики ориентирован на гостей и работу с их состоянием. После того как кульминация прошла (чай приготовлен и выпит), начинается процесс постепенного «возвращения» в профанное состояние. Участники действия по-прежнему пребывают в сакральной среде, внутри сакрального действия, но степень духовной «напряженности» ниже. Созерцание утвари после основного действия — возможность продлить, удержать, закрепить обретенное состояние или «смягчить» возвращение к профанному состоянию. Если во время основного действия мастер вел и направлял гостей, задавая ритм, темп, настроение, то хайкэн подразумевает «самостоятельность» гостей. Они по инерции используют уже заданный ритм и сакрализованное пространство. Чайный мастер выставляет предметы и удаляется, закрывая за собой двери, оставляет гостей созерцать. Каждый предмет изготавливается вручную, поэтому уникален, технология изготовления передается из поколения в поколение. Передача традиционной формы предполагает сохранение и транслирование сакральной силы. Прикосновение к таким предметам, имеющим индивидуальную историю, наряду с эстетическими переживаниями, вызывает чувство приобщения к прошлому, к первоисточнику, который воспринимается как эталон и носитель сакральной силы. Если предметом утвари пользовался просветленный мастер, часть его сакральной силы хранится в этом предмете и придает ему особую ценность.

Созерцание готового живописного произведения позволяет «считывать» опыт мастера, «записанный» им в момент озарения. Подготовленный зритель по характеру линий, штрихов может восстановить скорость и направление движения кисти, а также ритм дыхания, с которым художник совершал все движения. «Читая» свиток, человек усваивает и воспроизводит опыт мастера. Именно такая невербальная передача информации, опыта дает возможность освоить сакральную практику.

Изображение на свитке и техника его исполнения позволяет не только восстановить действия и духовный опыт художника, но и суть учения, символическую «запись» постулатов дзен [6, 288–294]. Например, пустотность сознания и спонтанность просветления передаются через незаполненные тушью места и точные штрихи и линии, проведенные быстрым движением кисти. Некоторые свитки построены так, что если охватить изображение единым взглядом, «собрать», казалось бы, хаотичные пятна, линии, штрихи в единую картину, происходит мгновенное узнавание, подобное озарению, постижению природы Будды. Для дзенских свитков характерна недосказанность, некоторая незавершенность, образы даются в намеке, но именно это усиливает роль воспринимающего их. Мастер фиксирует свой духовный опыт и, одновременно, оставляет поле для творчества созерцателя. Это соотносится с учением буддизма, согласно которому ученик должен не просто воспроизвести все, что дал учитель, но, пережив заданное, сделать собственный шаг.

Акты создания и созерцания свитка тождественны, поскольку восприятие переходит в акт творчества. Е. В. Завадская пишет: «В эстетике дзен утверждается принцип равенства творческой активности творящего и воспринимающего искусство, поскольку, согласно дзен, в творческом процессе самое важное — увидеть, создать образ в своем сердце, а запечатлеть его — дело второстепенное; увидеть — значит создать» [4, 50]. В некоторых случаях созерцание живописного процесса и его результата может служить импульсом к творческому акту. Яркий пример тому — знаменитое стихотворение средневекового поэта, вдохновленного созерцанием дзенского живописного процесса: «Бамбук рисуя, этот чародей не видит — шелк лишь видит свой; он видит шелк и позабыл людей; и словно распрощался сам с собой. Уйдя в бамбук всем телом и душой, он открывает новь и чистоту. Где живописец жил еще такой? Он — божество, его люблю и чту» [цит. по: 1, 193].

После того как сакральное действие завершено, участники возвращаются в профанный мир, но теперь их состояние качественно иное. В ходе практики вырабатывается навык самостоятельно, произвольно создавать сакральную среду вокруг себя, входить в режим переживания сакрального. Состояние переживания сакрального удерживается участником действия еще некоторое время в профанной жизни. Для тренированного адепта любая повседневная практика становится дзенской сакральной практикой, ему уже не требуются сакральное пространство или сакральные предметы, он сам становится источником сакрализации.

1. Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока / под ред. Н. В. Абаева. Новосибирск, 1990.
2. Бычков В. В. Проблемы и «болевые точки» современной эстетики // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. М., 2005. С. 3–38.
3. Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. М., 1993.
4. Завадская Е. В. Культура Востока в современном западном мире. М., 1977.
5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003.
6. Коновалова Н. П., Субангулова Н. А. Методология анализа буддийского свитка школы Чань/дзен-буддизма // Буддийская культура: История, источниковедение, языковедение и искусство: Вторые Доржиевские чтения : материалы науч. конф., С.-Петербург, 9–11 нояб. 2006 г. СПб., 2008. С. 288–294.
7. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.
8. Судзуки Д. Т. Дзен и японская культура / пер. с англ. С. В. Пахомова. СПб., 2003.
9. Судзуки Д.Т. Очерки о дзен-буддизме. СПб., 2002. Ч. 1.
10. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
11. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Статья поступила в редакцию 23.05.2012 г.

УДК 811.161.1:81'373 + 004.9

О. В. Климова

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ КАК ТЕРМИН СТАНОВЯЩЕЙСЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

Рассматривается вопрос о разграничении понятий «электронное издание» и «электронный ресурс», предлагается более завершённый, с точки зрения автора, вариант определения электронного издания.

Ключевые слова: электронное издание, термин, терминология, электронный ресурс, профессиональная лексика, язык для специальных целей.

Лексика некоторых специальных областей знаний в настоящее время вышла за пределы профессиональной среды и активно используется неспециалистами и СМИ. Ярким примером такого употребления является терминология предметной области PR, информационных технологий, редакционно-издательской деятельности и др. Так, электронные издания (ЭИ), стремительно развивающиеся сегодня, постепенно, но неуклонно внедряются в сферу образования, во многих случаях вполне оправданно. Помимо образовательной среды, ЭИ используются СМИ, политическими и государственными структурами, развлекательными ресурсами, составляют основу многоликой сети Интернет.

КЛИМОВА Ольга Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: olvik@yandex.ru).

© Климова О. В., 2012